

НАТАЛЬЯ КАШИНА
СПРОСИТЕ ЛЕДИ ЭНН

Наталья Кашина
Спросите леди Энн

«Автор»

2026

Кашина Н.

Спросите леди Энн / Н. Кашина — «Автор», 2026

Энн Тэлбот — исключительная представительница высшего общества, воплощение истинной английской леди. Она не просто образец для подражания, но и мудрая наставница молодых дебютанток, к которой обращаются в самых сложных ситуациях. Судьба распорядилась так, что Энн вынуждена опекать своего легкомысленного брата Эдварда. Когда он ввязывается в опасную историю с влиятельным коммерсантом Фредериком Ксандером, сестра готова на всё ради его спасения. Ради брата Энн решается на отчаянный шаг — заключает сделку с мистером Ксандером. В обмен на безопасность Эдварда она должна найти богатому предпринимателю достойную супругу из высшего общества. В романе переплетаются интриги светского общества, опасные приключения и семейные тайны. Сможет ли леди Энн сохранить безупречную репутацию, спасти брата и избежать участи, уготованной всем незамужним леди её круга?

© Кашина Н., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Кто такая настоящая леди	5
Глава 2. Избегайте конфликтов	8
Глава 3. Не оставайтесь без сопровождения	15
Глава 4. Избегайте сплетен и не давайте для них повода	19
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Наталья Кашина

Спросите леди Энн

Глава 1. Кто такая настоящая леди

Говорят, все близнецы обязаны быть похожими друг на друга, даже если они — брат и сестра, волею случая рождённые в один день. Энн и Эд с детства опровергали это правило. От природы серьёзная и рассудительная Энн никак не могла поверить, что этот сумасброд и проказник — её родной брат.

Лишившись матери ещё при рождении, дети росли как трава, несмотря на высокий титул своей семьи. А ведь ещё дедушка близнецов был баронетом! Однако его младший сын, отец Энн и Эдварда, так и не смог научиться какому-либо занятию, кроме как просаживать деньги за карточным столом. Рано промотав наследство, он с честью умер от инфлюэнции, оставив детей совершенно одних. Так и скитались близнецы по дальним родственникам, пока из армии не вернулся старший брат их отца. Волей случая у него с женой не могло быть детей, а потому они приняли племянников как родных, и сегодня мало кто знал в Лондоне, что Энн и Эдвард Тэлбот не являются родными детьми нынешнего баронета Тэлбота.

Но Энн хорошо помнила, кто на самом деле был их с братом отец. Начиная с шестнадцати лет она всё явственнее видела, как кровь родителя сказывается на характере и увлечениях брата. В отличие от дяди, посвятившего всего себя военному делу и отдавшего родине не только юность, но и изрядную часть здоровья, Эдварда военная служба не интересовала. Как в целом не интересовало его ровным счётом ничего, кроме ставок и карточной игры. Он буквально жил в клубах и игорных заведениях, появляясь на глазах у родных лишь для того, чтобы, как он сам это называл, «одолжить монету», и снова отправиться прожигать жизнь. Энн на примере брата рано выучила все возможные пороки и недостатки, которыми можно обзавестись в приличном и не очень обществе.

К двадцати годам на счету у Эда была пара дуэлей, где исключительно чудом или по причине крайней степени опьянения обоих дуэлянтов никто не погиб; пара скандалов с участием чьих-то жён; и бесчисленные неприличные пари. Да, Эд Тэлбот был достойным продолжателем дела своего отца.

Тётя Энн, уже немолодая леди Софи, очень тяжело переживавшая свою бездетность, а потому твёрдо решившая стать безупречной женой и тётёй, обожала племянника. Она часто любила повторять, что «то, что позволено Юпитеру, не позволено быку». Под быком, а точнее коровой, тётя Софи подразумевала саму Энн. Девочка, в отличие от брата, должна была везде и во всём демонстрировать безупречность. Сама обладая кристально чистой репутацией, тётя проявляла невероятную изобретательность в сокрытии «шалостей» Эдварда, чему старательно обучала и племянницу. Энн, хоть и не любила себе в этом признаваться, очень дорожила вниманием тёти, заменившей ей мать, а потому старалась соответствовать предъявляемым ею высоким требованиям. И надо сказать, достигла на этом поприще немалых высот.

Единственный протест, который Энн себе позволила в отношении тёти, — это отклонение пары брачных предложений. Но на это у неё были веские причины. Мать Энн умерла в родах, так же как и её мать, бабушка Энн, в своё время. По материнской линии у Энн осталась только сестра матери — незамужняя содержательница пансиона в Денвере, которая обещала сделать племянницу своей наследницей при условии, что та не выйдет замуж и к двадцати восьми годам сохранит репутацию, которая бы позволила ей занять место директрисы, а в будущем и хозяйки пансиона. Это было не просто обещание наследства: для Энн это была единственная возможность вырваться из-под опеки дяди и непутёвого брата, не попав при этом

под контроль, возможно, ещё более непутёвого мужа. К слову, только такие, на редкость недалёкие кавалеры, Энн и попадались.

Один джентльмен рискнул просить её руки ещё в самый первый её сезон в Лондоне. Юный Френсис Дарлинг был одного с ней возраста. Он отчего-то счёл внешность Энн исключительно поэтической, писал ей стихи и уже через два месяца знакомства явился к её дяде со своим предложением. Когда дядя спросил Энн, хотела бы она выйти за Френсиса замуж, та, признаться, несколько минут не могла припомнить, о ком именно идёт речь, так как с детства обладала плохой памятью на имена, а стихами в тот год увлекались почти все бездельники Лондона. К слову, её отказ Френсиса не сильно огорчил, и уже на следующий год он таки женился на девушке, которая смогла оценить и его самого, и его рифмы по достоинству.

Отклонить второе предложение было намного сложнее: Энн было уже двадцать, а лейтенант Джон Таккер когда-то служил под командованием дяди, а потому довольно часто появлялся в доме Тэлботов и был хорошо знаком как с ней самой, так и с её семьёй. Энн пришлось честно признаться лейтенанту, что она не видит себя в браке и рассчитывает в будущем принять управление пансионом своей родственницы. Данное заявление Таккера, опять же, не сильно расстроило: он также был откровенен с Энн и, в свою очередь, признался ей, что ему совершенно всё равно, на ком жениться, а предложением Энн он прежде всего выразил своё уважение сэру Тэлботу.

Дядя и тётя Энн, конечно, были потрясены заявлением племянницы о нежелании вступать в брак, но спустя пару месяцев стенаний и призывов одуматься тема сама собой сошла на нет. К тому же Энн позаботилась о том, чтобы к ним больше не поступало новых предложений о её замужестве.

В этом году Энн исполнилось двадцать четыре года. Она всё больше времени проводила не в бальных залах Лондона, а в графстве Норфолк, деревушке Денвер, преподавая этикет и готовясь принять бразды правления пансионом. Тётя Брук, нынешняя владелица и директриса, сочетала в своём характере с трудом сочетаемые качества. С одной стороны, это была леди с сугубо научным складом ума, превыше всего ценившая истинно крестьянские добродетели и научное познание. С другой — она отчего-то была убеждена, что на всех женщинах её рода лежит что-то вроде проклятия неудачного замужества, что, признаться, повлияло на решение Энн отказаться от перспектив выйти замуж.

Несмотря на противоречивый характер, воспитанницы обожали леди Брук. Для своего возраста она оставалась энергичной, жизнерадостной и редко поддавалась унынию. Энн и сама пару лет провела в пансионе тёти, сразу после смерти отца. И, несмотря на тоску по брату, с которым она тогда была вынуждена разлучиться, во всём остальном время, проведённое в пансионе, стало одним из самых счастливых в её жизни. Энн искренне полюбила пансион и его неповторимую атмосферу. Для неё это было место, где можно было побыть собой и где всегда есть чем заняться.

Однако для существования пансиону нужны были пожертвования. Заведение леди Брук не хотело походить на Blue Maids¹ или иные учреждения казарменного типа, куда обычно ссылали сирот и незаконнорождённых дочерей. Пансион в Денвере существовал на взносы тех, кто искренне хотел дать девочкам образование и научить их чему-то большему, чем вышивание и игра на фортепиано. За комфорт и неповторимую атмосферу пансиона нужно было платить, а потому у тёти Брук были свои виды на племянницу. Она не старалась удержать Энн в Денвере, а, напротив, поощряла, чтобы та всё больше рассказывала в лондонском обществе о пансионе. Энн во многом была согласна с тётей, а потому сама открыто поддерживала идею, что девочка на домашнем обучении, которая прямо из детской отправляется на свой первый

¹ Собирательное название для образовательных учреждений в Викторианской Англии, самыми знаменитыми из которых были Blue Maids Hospital / School (Эксетер) и Blue Maids Orphanage (Бристоль).

сезон, — такое же хрупкое и неприспособленное к жизни создание, как оранжерейная роза, которую в одночасье пересаживают в открытый грунт. Пансион же способен подготовить юных леди к тому, чтобы светский сезон прошёл для них успешно и они могли продемонстрировать себя не только как миловидные создания, умеющие говорить разве что о моде и погоде, но и как вполне зрелые, образованные молодые леди.

Надо ли говорить, что далеко не все в обществе поддерживали подход леди Брук? Но мало-помалу, благодаря стараниям Энн, которая воплощала в себе все качества, так высоко ценившиеся в воспитанницах пансиона, всё больше и больше семей задумывались над тем, чтобы сделать выбор в пользу школы перед домашним образованием.

Находясь одновременно под влиянием обеих своих тётъ, Энн была вынуждена соответствовать самым высоким стандартам, предъявляемым обществом к незамужней леди. Она внимательно следила за количеством танцев, которые позволяла себе с одним и тем же партнёром, виртуозно избегала любых двусмысленных намёков, могла поддержать даже самый сложный разговор, избегая при этом вопросов политики и религии, не становясь слишком надменной и всегда с вниманием относясь к точке зрения собеседника, даже если внутри у неё всё закипало от невежества собеседника.

Но куда больше содержания лондонское общество ценило обёртку, а потому наряды Энн всегда были безукоризненными — по возрасту и последней моде. Фигура подтянута, осанка прямая, что требовало от девушки некоторых усилий из-за чрезмерной любви к сладкому и чтению в постели. Своим же главным недостатком, помимо некоторого тщеславия, вызванного, очевидно, несвоевременным и поспешным предложением сэра Френсиса, Энн считала разве что волосы. Им с братом досталась отцовская львиная грива светлых, как лён, волос. Белокурые локоны, по мнению самой Энн, её сильно упрощали, делая из неё этакую пастушку овец с предгорья Тироля. К тому же на этой копне было довольно сложно носить модные в этом сезоне миниатюрные шляпки. Но в остальном Энн была безупречна, по крайней мере по стандартам, предъявляемым к леди её возраста. Она уже ушла с брачного рынка, а потому занималась исключительно благотворительностью и делами пансиона леди Брук. Ну разве что ещё время от времени раздавала советы юным дебютанткам, искавшим её мнения по тому или иному вопросу.

Энн, уже не первый год преподававшая в пансионе и готовящаяся посвятить этому всю свою жизнь, находила такое времяпрепровождение довольно приятным и необременительным. Она могла легко подсказать молодой леди, как следует поступить, если кавалер приглашает на прогулку в то же самое время, на которое назначено заседание благотворительного общества; как избежать назойливого внимания джентльмена, не оскорбив его нежных чувств; или даже какие аргументы об античном искусстве могут убедить религиозную бабушку разрешить посетить выставку изящных искусств. В обществе даже появилась расхожая фраза: если девушка обращалась за советом к своей наставнице, матери или старшей сестре, а та отчаянно не знала, какой совет следует дать, она могла без риска для своего авторитета посоветовать опекаемой мисс «спросить совета леди Энн». Это означало, что вопрос действительно серьёзный и требует всестороннего внимания. Авторитет же Энн в подобных вещах был действительно непрекаемым.

Все эти таланты делали Энн Тэлбот воистину редким столичным феноменом. Вместо сочувствия, которое обычно вызывают незамужние женщины её возраста, она вызывала скорее удивление или даже некоторую зависть, оставалась яркой и желанной гостьей в самых уважаемых домах Лондона.

Глава 2. Избегайте конфликтов

Было уже глубоко за полночь, и Энн ужасно хотела спать. Она недавно вернулась из Денвера и ещё не вошла в ритм лондонского сезона. Ей давно следовало быть в постели, но одна из дебютанток на сегодняшнем вечере буквально не отпускала её, угрожая родителям, что она никогда не выйдет замуж, если сама леди Энн отвергает брак. Это могло обернуться скандалом, учитывая, что особа была выпускницей пансиона леди Брук, а две её младшие сестры были недавно зачислены туда же.

Энн нужно было уладить ситуацию так, чтобы никто не усомнился в истинно христианских началах, положенных в основу образования в пансионе. Энн пришлось рассказать юной леди душещипательную историю о том, что она не способна иметь детей, и поэтому, вместо того чтобы выйти замуж, она и решила посвятить себя педагогике и тем самым в некотором роде обрести в своих ученицах дочерей, о которых не смеет даже мечтать. Это был грязный трюк, к которому Энн прибегала только в совершенно безвыходных ситуациях — обычно чтобы проучить собеседника, слишком активно интересующегося её матримониальными планами.

Правда же заключалась в том, что медицина не могла доподлинно установить причину, отчего и бабушка, и мать Энн умерли при родах. Конечно, это сыграло определённую роль в нежелании Энн выходить замуж, но вряд ли ключевую. Сама Энн догадывалась, что правда о её нежелании связывать жизнь с мужчиной кроется в том, что она хорошо видела: находясь в схожей жизненной ситуации, тётя Брук жила полной жизнью, в то время как безупречная леди Софи постоянно за что-то оправдывалась и искупала одной ей понятную вину.

Таким образом, только уладив неприятный инцидент с дебютанткой и заручившись её обещанием выйти замуж за достойного джентльмена, Энн смогла покинуть вечер и вернуться к себе. Но мечтам о долгожданном сне было не суждено сбыться. Стоило ей снять платье, как внизу раздался возмутительный шум. Дядя и тётя давно спали, а потому шуметь мог либо грабитель, вломившийся в дом, либо её несносный братец. Услышав, как Эдвард громко зовёт её по имени, Энн поняла, что надеяться на грабителя было слишком наивно.

Натянув на плечи халат, а на лицо — самое нравоучительное из имеющихся в её арсенале выражений, негодуя по поводу поведения брата, Энн промаршировала в кабинет на первом этаже.

— Эдвард Роджер Телбот! Сколько раз повторять, что ты пока ещё не являешься хозяином в этом доме и не имеешь права вламываться сюда, лишая сна и покоя меня, дядю и тётю? Какими бы ни были твои финансовые обстоятельства, они вполне могут подождать до утра...

Тут Энн обратила внимание, что Эд не обращает на неё никакого внимания: он как заведённый метался по кабинету, открывая все ящики наугад, явно в попытке что-то найти.

— Эд? — уже чуть более мягко спросила Энн, — С тобой всё в порядке? Что, чёрт возьми, происходит?

Вообще-то Энн не позволяла себе подобных выражений, но и Эдвард редко выглядел настолько встревоженным и даже напуганным. Особенно беспокоило Энн то, что, судя по всему, брат был совершенно трезв, что вечерами случалось с ним не так уж часто.

— Да остановись же ты хоть на минуту и объясни, что случилось!

Эд замер, будто впервые увидев сестру, потом подошёл к ней и крепко обнял.

— Энн, милая Энн, прости, прости меня за всё. Я был чертовски плохим старшим братом.

— Учитывая, что ты старше меня всего на десять минут, я бы сказала, что слово «старший» не совсем уместно. Что случилось?

— Он убьёт меня, Энн. На этот раз я точно сыграю в ящик! Это страшный человек, Энн, у него нет чести. Он просто застрелит меня!

— Боже, Эдвард! Опять дуэль?

— На этот раз всё иначе: никакой пальбы в воздух и празднования жизни в ближайшей таверне. Он точно меня пристрелит!

— Ты можешь успокоиться и рассказать всё по порядку. Садись, я принесу бренди.

Только сделав глоток и уняв немного дрожь, Эдвард смог начать говорить более или менее связно:

— Я, как обычно, по четвергам был в клубе перед тем, как поехать с друзьями поиграть. Тут Майлз — боже, кто только дёрнул его за язык! — начал подшучивать: мол, хорошо это — быть наследником титула и иметь возможность занимать в счёт будущего наследства. Ну, ты понимаешь, этого я стерпеть не мог! Если меня чему и научил наш папаша, так это тому, что играть в долг — против чести аристократа!

Энн не смогла удержаться:

— Конечно. Играть на дядины деньги гораздо благороднее!

— Энн, не начинай... Так вот, этот подлец предположил, что я заложил имение. Я, конечно, не мог такого стерпеть. Я ответил, что играю только на свои. Тогда он нахально спросил, значит ли это, что я смог сделать какую-то удачную инвестицию и не получаю ли я купоны? Вот что за манеры — обсуждать деньги в приличном обществе!?

— Не отвлекайся, я пока не понимаю, как дело могло дойти до дуэли.

— Я сказал, что не желаю обсуждать свои дела с первым встречным, но на всякий случай поспешил его заверить, что положение аристократа никогда не может зависеть от успеха каких-то там нуворишей. Но и этого ему показалось мало! Он будто бы хотел меня спровоцировать и прямо спросил, не являюсь ли я удачливым вкладчиком в одно из многочисленных предприятий мистера Ксандера?

Энн судорожно припоминала, где она могла слышать это имя. Оно казалось ей ужасно знакомым.

— Я, конечно, был взбешён. Предположить, что мой образ жизни зависит от какого-то дельца! Немыслимо. Я прямо заявил, что все эти новомодные спекуляции и трастовые фонды — полнейшая ерунда и не способны принести хоть какого-то значимого дохода...

Энн вспомнила. Как она вообще могла забыть?! Участие в предприятии мистера Ксандера было единственным достойным капиталовложением отца. Инвестировав десять лет назад пятьсот фунтов, сейчас они ежегодно получали почти тысячу, что и помогало Толботам сводить концы с концами. Предчувствуя беду, Энн поспешила проверить свою догадку:

— И каким образом мистер Ксандер узнал о твоих словах?

— Самым непосредственным! Этот чёртов мистер стоял всё это время за моей спиной!

Энн закатила глаза.

— Представляешь, в клуб Джексона стали пускать всех подряд! А ведь в своё время я почти полгода ожидал приглашения!

— Не думаю, что сейчас это важно, Эд...

— Да, совершенно не важно, ты права. Важно то, что он потребовал, чтобы я взял свои слова обратно. Заявил, что подобная клевета создаёт дурную репутацию для его предприятий, и потребовал, чтобы я публично принёс ему извинения!

— И ты решил не извиняться...

— Конечно, Энн! Я — потомственный Телбот, не буду извиняться перед каким-то там мистером!

Тут уже взорвалась Энн. Высокомерие брата частенько выводило её из себя, но на этот раз Эд в прямом смысле из-за него подверг себя опасности.

— Да будет тебе известно, что мистер Ксандер действительно в наибольшей степени обеспечивает твой образ жизни. Уверена, ты бы знал об этом, если бы хотя бы иногда просматривал отчёты управляющего! И да, публично опровергнув этот довольно очевидный факт, ты причинил мистеру Ксандеру глубокое оскорбление. Извиниться — это меньшее, что ты должен был сделать.

— Да я лучше умру завтра на рассвете!

— Уверен?

Эд схватился за голову руками. Он уже осознал всю глубину своего позора, но пока был не готов поступиться своим, несколько извращённым, по мнению Энн, понятием чести.

— Кстати, что это ты тут искал, когда я вошла?

— Письмо от Рафаэля из Венеции. Я решил, что, если не могу избежать позора, то будет разумно уехать на какое-то время из Англии.

— Тем самым подтвердив все слухи о глупости, которую ты совершил?

— Энн, перестань. Я и без тебя знаю, как сильно влип. Этого типа не волнуют деньги, по крайней мере не те, что я мог бы ему предложить... Он точно будет стрелять!

— Меня поражает, что, осознавая это, ты всё ещё не попросил у него прощения.

— И стать посмешищем до конца моей жизни?

— Как по мне, это лучше, чем скрываться в Италии. И как долго ты намерен прятаться? На какие деньги? К тому же тётушка Софи не переживёт ни твоего бегства, ни твоего позора... Ты отлично знаешь, как они с дядей привязаны к тебе.

Эд поник ещё сильнее. Возможно, и до него начало доходить, что отъезд, о котором он говорит, — это не приключение на пару месяцев. Подобные скандалы в обществе помнят долго; порой даже детям приходится нести бремя позора, оставленного родителями. Кому, как не им, это было хорошо известно.

— Энн, ты же всегда понимала толк в таких делах. Помоги мне, умоляю!

Энн уже и сама догадалась, что разбираться с проблемами брата придётся именно ей. Так было и в детстве, когда она за него просила прощения за случайно подстреленную из рогатки индейку у арендаторов дяди, так будет и сейчас, когда уже он сам рисковал быть подстреленным. «Надменный индюк!» — иронизируя про себя, Энн лишь старалась унять подкативший к её горлу страх. Одно дело — улаживать конфликты брата с ревнивыми мужьями его пассий, и совсем другое — пытаться отговорить от дуэли делового человека, успех предприятий которого поставлен под угрозу из-за глупых слов и непонятной гордости Эдварда.

Энн позвонила в колокольчик, и спустя пару мгновений сонный лакей вошёл в кабинет.

— Хигингс, прошу прощения за беспокойство, но я вынуждена срочно выезжать. Пожалуйста, разбуди миссис Смит и попроси конюха запрячь экипаж. Я буду готова через полчаса.

Уже через час Энн в компании своей внушительной горничной — миссис Смит стояла на пороге солидного особняка на Треднидл стрит. Энн была удивлена увиденному. Ей не часто доводилось бывать в деловой части Лондона, но здание, перед которым она сейчас находилась поражало размерами. Назвать его особняком было не совсем верно. Дом был чем-то средним между конторой, доходным домом и резиденцией очень богатого человека, и лишь немногим уступал расположенному неподалеку банку Англии.

Энн дрожащей рукой постучала. Стояла глубокая ночь, и чтобы войти ей скорее всего потребуются перебудить всех обитателей этого огромного дома. Но дверь открыли на удивление быстро. На пороге возник высокий черноволосый мужчина, с усталыми глазами под которыми залегли круги от бессонной ночи. Одет он был на редкость небрежно, рукава белой сорочки закатаны до локтя, ворот расстегнут.

— Чем могу помочь, миледи?

— Простите за вторжение, но мне совершенно необходимо переговорить с мистером Ксандером. Не могли бы вы передать ему, что его хочет срочно видеть мисс Энн Телбот?

— Телбот? Вы сестра этого подонка? Не представляю, о чем мы можем говорить...

— Мистер Ксандер? Прошу прощения. Могу я войти?

Мужчина хотел было уже закрыть перед Энн дверь, но тут миссис Смит довольно ловко для своих габаритов просунула башмак в дверной проем, помешав ему это сделать.

Ксандер от чего-то улыбнулся и передумал, распахнув перед дамами дверь. Не ожидая больше ни приглашения, ни каких-либо других знаков галантности, Энн скинула с плеч плащ, сама повесила его на вешалку у входа, стянула перчатки и с невозмутимым видом поправила прическу перед зеркалом. В подобных ситуациях она благодарила небо за то, что старанием тети Софи довела некоторые ритуалы до автоматизма. Они помогали выиграть время и собраться с мыслями. Миссис Смит все это время стояла за ее спиной как верный телохранитель, а Ксандер, лениво прислонившийся к дверному косяку с интересом наблюдал за ними обеими.

— Мадам, один вопрос: если вы пришли меня соблазнять, то зачем взяли с собой преторианца?

Энн повернулась к нему и, стараясь не выдать своего волнения, ответила:

— Именно для того, чтобы вы не подумали ничего лишнего о природе моего визита мне и нужна помощь миссис Смит.

Затем она обратилась к служанке:

— Мери, мистер Ксандер не хотел нас оскорбить. Пожалуйста, подожди меня здесь, пока мы не закончим, это не займет более четверти часа.

Уже зайдя в кабинет мистера Ксандера, Энн поклялась больше никогда не попадать из-за брата в столько неловкую ситуацию. «Это последний раз» повторяла она про себя, когда присаживалась на узкий жесткий диван перед огромным рабочим столом Ксандера. Казалось, диван был создан для того, чтобы посетитель на нем не задерживался. Хозяин кабинета, однако, не спешил начать разговор явно ожидая этого от Энн.

— Я бы хотела вас заверить, уважаемый мистер, что как никто другой знаю на сколько разрушительными могут быть слова моего брата. Я полностью разделяю ваше негодование по поводу ситуации, в которую вас поставило его поведение, и готова помочь нам всем найти достойный выход из сложившегося положения...

Мужчина устало потер переносицу, Энн догадалось, что помимо бессонницы его также терзает головная боль.

— Леди, должно быть вам не доводилось достаточно общаться с людьми моего рода. Умоляю, переходите сразу к вашему предложению. Если же ваш план состоит в том, чтобы на кануне дуэли вызвать у меня мигрень, то вы своей цели уже достигли и можете быть свободны...

— Нет, нет. Я постараюсь говорить кратко. Я не могу позволить вам убить моего брата, но полагаю, что Эдвард заслужил хороший урок.

— Что вы имеете ввиду? Не предлагаете ли вы мне принести ему извинения с пистолетом в руках?

Глаза Ксандера угрожающе блеснули в полумраке кабинета.

— Конечно же нет!

Мужчина немного расслабился, откинувшись на спинку кресла, а Энн не смогла оценить на сколько кабинет соответствует своему хозяину. Все вокруг было выполнено для удобства очень высокого человека — никаких бесполезных миниатюрных деталей, вроде статуэток или портретов в рамках. Только широкие шкафы красного дерева, плотно заставленные гроссбухами и два огромных стола устанных картами и чертежами неизвестных Энн механизмов. Когда Ксандер выпрямился в кресле, Энн четко ощутила, что он явно находился здесь в своей

стихии, излучая спокойную уверенность человека, который всего добился сам и которой без сомнения сможет справиться с любыми превратностями судьбы. Энн невольно залюбовалась этой картиной.

— И какое же решение созрело в вашей светлой головке?

Мужчина явно подшучивал над ней, не воспринимая всерьез, но как ни удивительно Энн это помогло вернуться в реальность и наконец-то отбросив волнение сформулировать свое предложение:

— Он готов бежать из страны. Мы оба понимаем, что подобный поступок станет вашей полной и безоговорочной победой. Полагаю вы даже рассчитывали на это, ведь дуэль помешает вашим предприятием не меньше, чем необоснованные обвинения одного из первых вкладчиков. Закон не признает дуэлей, а в вашем случае... Общество сочтет защиту чести подобным образом просто неприемлемой, покровители в свете отвернуться от вас.

— В моем случае? Вы, как и ваш брат считаете, что отсутствие длинной портретной галереи с покойными титулованными родственниками не дает мне права на защиту чести?

Энн в очередной раз задалась вопросом — от чего все мужчины обладают таким крайне деликатным, даже преболезненным, чувством собственного достоинства?

— Нет, напротив, я хотела просить вас проявить благородство. Бегство из Лондона на многие годы ляжет тяжелым клеймом на имени моего брата, это убьет наших родных...

— В таком случае ему стоит принести извинения.

— Полностью согласна с вами, но боюсь он уже лишил себя возможности сделать это достойным образом сегодня в клубе. К тому же повторяюсь — ему давно пора преподать небольшой урок.

— Хотите, чтобы я его таки застрелил?

— О боже, конечно, нет! Мы дадим ему возможность бежать, точнее думать, что он бежит, а между тем будем поддерживать впечатление, что он проявил интерес к деятельности ваших предприятий и отправился с каким-нибудь важным поручением по делам вашей компании... Боюсь, это единственный способ хотя бы на время отвлечь его от карточного стола.

— Вы думаете я доверю вашему пустоголовому брату хоть какое-то дело? И как простите, вы себе это представляете?

— Я слышала, что ваша компания осуществляет поставки из Италии? Корабль туда идет в среднем около месяца, плюс время на обратный путь. Полагаю, что даже если ему сообщат о моей шутке по прибытии, то с момента сегодняшнего вечера пройдет более двух месяцев, и его гнев будет не таким уж свирепым. По возвращении ему ничего не останется как признать, что ваше предприятие стоящее дело, особенно после того, как он сам лично в нем поучаствует.

— Гнева брата, судя по всему, вы совсем не боитесь.

— Меня пугает больше всего то, кем он может в конце концов стать. Полагаю, это удивит вас, но, в сущности, он не такой уж и конченный человек, весьма отзывчивый и добрый. Однако мнение окружающих слишком важно для него, а окружение он выбирать не умеет. Уверенна, что, если он увидит другой мир и других людей, занятых хоть чем-то кроме разговоров о наследстве и карточной игры, то сможет проявить себя лучшим образом.

— Хорошо, хорошо... ваш замысел мне понятен, но что с этого буду иметь я?

— Простите?

— Вы только что подробно расписали мне план по спасению жизни и репутации вашего брата. Что вместо пули в лоб или пожизненного бегства на континент, он получит бесценный жизненный опыт и смену обстановки. А что с этого буду иметь я?

— Вы? Вы сможете избежать дуэли, которая бы поставила крест на вашем предприятии... разве этого мало?

— Если бы «поставить крест» было так просто, вряд ли я стал бы тем, кем я являюсь сейчас. Мне нужно кое-что еще.

Энн покраснела, она запрещала себе думать о чем-то подобном, но вряд ли появление незамужней леди в доме холостого мужчины глубоко ночью можно было истолковать каким-либо иным образом.

— Прошу, только не упадите в обморок. Ваша добродетель меня ничуть не интересует. Если верить тому, что о вас говорят, вы на дух не переносите мужчин и мечтаете умереть старой девой.

Энн вскинула бровь.

— Мне нужно чтобы вы нашли мне жену из вашего круга. Желательно чтобы это не выглядело как жест отчаяния. Дамы в слишком затруднительном финансовом положении, незаконнорожденные или престарелые вдовы мне не подойдут. Это должна быть одна из тех леди, что смотрят вам в рот. Такая, которую с радостью приняла бы в семью ваша собственная тетя. Справитесь?

Энн от удивления потеряла дар речи. Еще никогда ее не просили о помощи в столько деликатном деле так прямолинейно и даже вызывающе. То обстоятельство, что ее саму не стали даже рассматривать в качестве претендентки на роль невесты от чего-то больно укололо самолюбие. Своим предложением он, судя по всему, поставил ее в один ряд с престарелыми вдовами, незаконнорожденными и дамами в затруднительном положении.

— Боюсь вы меня с кем-то путаете, мистер Ксандер. Я не занимаюсь сводничеством.

— А я не организую бесплатные круизы в Италию для джентльменов. Всего хорошего, леди Телбот.

С этими словами он снова принялся массировать переносицу. Создавалось впечатление, что предмет их разговора его никоим образом не интересует и он одинаково без энтузиазма воспримет любое ее решение.

— Настой ивовой коры и поменьше кофе.

— Что, простите?

— От головной боли. Я знаю, о чем говорю. Сама страдаю от этого недуга. Еще я бы рекомендовала вам выспаться, но учитывая, что до рассвета осталось меньше трех часов это прозвучит как издевательство.

— Спасибо. Я приму к сведению. Что-то еще?

— Как вы представляете себе мою помощь в поиске жены?

— Тут я считал вас экспертом. Светское общество – это ваша стихия, а не моя. Меня, знаете ли, с некоторых пор принимают отцы большинства лондонских семей, а вот их жены и дочери публично игнорируют мое существование, делая любые попытки ухаживания невозможными.

— И зачем вам жена, которая воротит от вас нос?

— Для того же для чего мне этот дом и самый большой торговый флот на юге Англии. Это статус и возможность привлечь еще больше внимания к моим предприятиям. Не уверен, что вы встречались с таким понятием ранее, но мне, если хотите знать, нужна «трофейная жена». Та, кто обеспечит моих детей той самой галереей с портретами титулованных покойных родственников. Ну что, готовы мне помочь?

— Нам в любом случае нужно будет поддерживать легенду о вашем примирении с моим братом, для этого будет неплохо появляться в обществе вместе. Будет странно если я начну вас откровенно сватать, но правила приличия не позволят дамам вокруг меня открыто игнорировать вас, если я представлю вас как друга. Но учтите, это займет какое-то время...

— Два месяца. Вряд ли ваш брат разрешит вам выходить из дома после того, что вы ему устроите. Каким бы недотепой он не был, но позволять потешаться над собой... боюсь он вам этого никогда не простит.

— Позвольте мне самой разобраться с братом. Вас же я попрошу лишь обеспечить его безопасность на борту корабля и дать ему хоть какое-то дело на время плавания.

— А он что-то умеет? Могу сделать его матросом.

— Умоляю, будьте серьезны. Он неплохо декламирует, в детстве писал чудесные акварели, учителя отмечали его способность к языкам...

— Он знает итальянский?

— На сколько я могу судить, довольно посредственно, однако он многие годы состоит в переписке с каким-то венецианским художником.

— Значит я найму его в качестве учителя для капитана своего корабля. Славный малый, но не как не может справиться с ведением судового журнала на английском.

— Наймете? Эдварда?

— Конечно мы не можем позволить ему путешествовать под своим именем, тем более если по вашей легенде он в бегах.

С этими словами Ксандер достал листок бумаги и написал на нем несколько беглых строк, после чего умелым движением запечатал письмо и вручил его Энн.

— Это письмо для капитала Санта Марии, около шести часов вечера, с вечерним приливом, она отходит из Дувра. Вашему брату лучше поспешить чтобы успеть на борт. Его, кстати, в письме зовут Джон Смит, он учитель грамматики и на протяжении всего плавания Санта Марии в его обязанности будет входить перевод судового журнала, а также обучение капитана основам английского языка. Команда вся подчистую набрана из итальянцев, а потому, даже если капитан по-английски так и не заговорит, навыки вашего брата в итальянском тучно улучшаться. Думаю, вы сами придумаете легенду как это письмо попало к вам и убедите брата выдать себя за мистера Смита?

— Ну разумеется.

— На этом считаю наше дело улаженным. Я знаю джентльмены вашего круга верят слову женщины не больше, чем слову спекулянта, но я человек другого рода и привык доверять людям, с которыми веду дела.

С этими словами он встал из-за стола и протянул ей свою руку. Энн растерялась. Она почувствовала неловкость вкладывая свою ладошку, внезапно ставшую казаться ей крошечной, в его широкую ладонь. Это был грубый, лишенный всякой деликатности жест, но от чего-то именно он придал ей уверенности. Она справилась. Эдварду не придется стреляться, а равно скрываться полжизни на континенте. Все будет хорошо. Энн почувствовала словно тяжелый груз свалился с ее плеч.

— А вы молодец, признаться не ожидал от сестры Телбота чего-то стоящего. Признаю, мое самое первое впечатление о вас оказалось ошибочным.

— Благодарю. Могу я спросить вас что заставило вас передумать и не захлопнуть дверь? Кроме башмака Мерри, конечно.

— Мне понравилась ваша горничная.

Ксандер лукаво подмигнул.

— Где вы ее только нашли?

— Миссис Смит? Это она нашла меня, а мне просто повезло, что она согласилась у меня работать. Возможно однажды, с ее разрешения, я расскажу вам историю нашего знакомства. Ближайшую пару месяцев нам предстоит довольно часто беседовать друг с другом, мистер Ксандер.

— Фред, я разрешаю вам называть меня Фредом. И сам собираюсь звать вас Энн... мисс Телбот.

Глава 3. Не оставайтесь без сопровождения

Убедить Эдварда, что её миротворческая миссия оказалась провалена, было совсем несложно. Он ни во что не ставил мистера Ксандера и был убеждён, что тот спит и видит, как бы пустить пулю ему в лоб. Нервы брата оказались настолько взвинчены, что на мгновение Энн даже почувствовала вину за свой обман.

— Эдвард, всегда есть выход. Ты можешь принести мистеру Ксандеру свои искренние извинения, и инцидент будет исчерпан. Ты ошибался, сверился с управляющим и убедился, что был не прав. Такое случается. Никто, кроме парочки никчёмных идиотов из твоего клуба, не станет думать о тебе дурно. Умоляю, принеси извинения, и мы покончим с этим.

— Энн, ты не понимаешь. Ты всего лишь женщина и ни черта не смыслишь в таких делах.

Самонадеянность брата охладила вспышку вины. Энн поклялась, что в этот раз таки прочит непутёвого родственника и даст ему ощутить последствия своих ошибок.

— Тогда ты прав, остаётся лишь одно — бежать. Мы не можем позволить этому мистеру напиговать тебя свинцом. Всё-таки есть небольшой толк в том, что я ездила к нему этой ночью. Я смогла стащить с его стола это письмо, я нагрела сургуч, и это оказался твой билет на корабль в Италию.

— Ты с ума сошла, это же «Санта-Мария» — корабль Ксандера!

— А где, как ты думаешь, он станет тебя искать в последнюю очередь?

— А если этот мистер Смит явится на борт? Ты об этом подумала?

— Да, и на этот случай у меня есть миссис Смит, которая сможет задержать его до отплытия корабля. Всё, что нам нужно, — быть в Денвере раньше его. Если письмо ещё час назад было на столе у Ксандера, значит, мистер Смит ещё не выехал, и мы сможем его опередить.

— А что будет, когда этот незадачливый учитель явится к Ксандеру, опоздав на корабль? Ты это предусмотрела?

— Разумеется. Прежде всего, крайне маловероятно, что опоздавший по собственной вине работник добровольно явится к нанимателю. А учитывая, что часть денег он уже должен был получить, самое разумное для него — скрыться с глаз. А если в последующем выяснится, что вместо него кто-то другой выполнял его обязанности на корабле, так и того лучше... Вообще, Эд, нам нельзя терять время, мы должны прибыть в Дувр как можно скорее.

Но «скорее» не получилось. Вначале Энн потратила добрый час, объясняя Эдварду, почему у учителя английского на борту корабля не может быть камердинера, потом ещё час перебирала собранный им саквояж, выкладывая из него жилеты с серебряными пуговицами и бархатные бриджи.

— Эд, ты должен хотя бы постараться выглядеть как мистер Смит! Вот зачем тебе цилиндр? Лучше найди, ради бога, словарь.

То и дело уставшая от бессонной ночи Энн ловила себя на мысли, что, если бы мистер Смит существовал на самом деле, у них с Эдом не было бы и шанса опередить его на пути в Дувр. Но вот наконец вещи были собраны. Под диктовку сестры Эдвард написал письмо, где постарался не пугать тётю, вежливо уведомляя её и дядю о том, что «срочные дела вынуждают его отплыть в Италию, где он планирует какое-то время погостить у своего хорошего друга». По настоянию Энн он не стал сообщать о скандале в клубе, намереваясь рассказать страшную правду постепенно. Он также написал несколько писем друзьям, поручив их отправку Энн, но та уже знала, что бросит их в огонь немедленно, как только вернётся из Дувра.

Только чудом они смогли успеть выехать до завтрака, пока дядя и тётя не спустились в столовую. По дороге Эдвард то и дело останавливался, чтобы «в последний раз насладиться красотой родной Англии». Это грозило для Энн расстройством желудка, но она стоически

переживала неуместные приступы патриотизма брата, искренне надеясь, что они хотя бы не опоздают на корабль.

Буквально чудом они успели на борт вовремя. Капитан — средних лет итальянец, любивший активно жестикулировать, — получив послание Ксандера, не проявил никакого удивления, махнул Эдварду рукой, и на этом погрузка корабля была закончена. Эд явно испытал огромное облегчение от того, что его не разоблачили. На прощание у них с Энн практически не осталось времени. Брат только ещё раз обнял сестру и со словами: «Не знаю, свидимся ли ещё», — взошёл на борт, не оглядываясь. Трап тут же подняли, и прекрасная «Санта-Мария», подняв паруса, направилась к выходу из порта.

Энн какое-то время смотрела кораблю вслед; её терзали противоречивые мысли. С одной стороны, она ругала себя за то, что ей пришлось прибегнуть к обману. С другой — искренне надеялась, что поступает правильно. Всем сердцем она желала Эдварду найти себя и открыть что-то новое в этом путешествии. А ещё, совсем чуть-чуть, ей самой хотелось поменяться с братом местами.

От этих тяжёлых мыслей Энн отвлёк неприличный окрик сзади. Солнце уже клонилось к горизонту, и порт погрузился в тяжёлые сумерки. Энн обнаружила, что стоит на конце довольно узкого пирса совершенно одна, а со стороны берега к ней приближаются трое пьяных моряков.

— Красотка, ну что, проводила любовника, значит, его место свободно? Айда с нами в «Старую Герту»! Мы только сошли с корабля, чертовски изголодались по женской ласке.

Энн понимала, что отступать ей некуда: ситуация складывалась на редкость опасная, хотя и чертовски глупая. Узкий пирс: с одной стороны — холодные волны, с другой — трое подвыпивших мужчин с очевидно не самыми благородными намерениями.

— Господа, боюсь, я не та, за кого вы меня приняли. Меня зовут леди Телбот, и мой экипаж ждёт меня у северных складов. Прошу, дайте мне пройти.

— Милашка, а тут каждая вторая — леди, и мы даже совсем не против... Хочешь, буду называть тебя королевой Викторией, только скидку сделай.

Эти слова принадлежали особенно безобразному верзиле с расщелиной между передними зубами. Он шёл впереди, и Энн отчаянно не понравился мысленный блеск в его глазах.

— Вы правда всё неправильно поняли. Предупреждаю: если вы посмеете причинить мне вред, у вас будут серьёзные неприятности...

Энн почувствовала, как всё её тело сковывает страх; ещё немного, и она перейдёт на постыдный писк. И пока воображение Энн рисовало ей страшную картину того, что с ней может случиться, за спинами верзил послышался чёткий стук. Все трое обернулись.

За спинами мерзавцев волшебным образом материализовался мистер Ксандер. Он в чёрном пальто и цилиндре почти на голову возвышался над самым высоким из моряков. Чтобы привлечь к себе внимание, он стучал тростью по доскам пирса.

— Мне кажется, леди весьма доступно вам всё объяснила, и самое время оставить её в покое.

Энн возликовала и надеялась, что уж теперь-то здравый смысл возьмёт верх в пьяных головах её преследователей, но этого не случилось.

— Да кто ты такой?!

С этими словами один из мужчин, стоявших справа, замахнулся на Ксандера. Но удача была не на его стороне. Одного тычка тростью в грудь стало достаточно, чтобы пьяный верзила потерял равновесие при замахе и упал с пирса в воду. Второму и третьему повезло чуть больше. Один даже смог дотянуться до Ксандера, прежде чем получил тростью по голове и осел на доски пирса, потирая ушибленное место. Щербатый же позабыл, что ближе всего стоит к Энн, а потому, отвлечённый Ксандером, совершенно не ожидал удара острым дамским каблуком по своей ноге. Серьёзного вреда Энн, конечно, нанести ему не могла, но секунды замешательства

было достаточно, чтобы она смогла обогнуть обидчика на узком пирсе и, схватив Ксандера за руку, побежать вслед за ним к берегу.

Сердце девушки стучало бешено, юбки путались вокруг ног, а тесно затянутый корсет не давал дышать полной грудью. Ксандер довольно быстро понял, что далеко убежать они с Энн не смогут. Поэтому, завернув за первый попавшийся угол, он скинул с себя пальто, закатал рукава рубашки и одним движением взлохматил волосы, после чего стащил с Энн уже и так съехавшую набекрень шляпку и со словами: «Подыграйте мне, чёрт бы вас побрал!» — зажал Энн у грязной стены ближайшего здания.

Энн ожидала чего угодно, но не того, что сегодня ей придётся целовать Фредерика Ксандера. Впрочем, слово «поцелуй» не очень-то подходило к этому действию. Он буквально зажал ей рот своими губами, а в объятиях сжал так крепко, что она не могла даже пошевелиться. Его широкая спина полностью скрыла её от случайного взгляда любого прохожего. А потому, когда двое преследователей заглянули в переулок, они не узнали в парочке леди и джентльмена с тростью. Отпустив пару сальных шуточек в адрес такого же моряка, как и они сами, они прошли мимо, не теряя надежды найти ту, что умудрилась от них ускользнуть.

Как только преследователи скрылись из вида, Фредерик оторвался от её губ, но хватку не ослабил.

— Ещё пара минут. Нужно убедиться, что они ушли достаточно далеко. Где, чёрт возьми, ваш экипаж, и где ваша хваленая миссис Смит?

Энн было тяжело прийти в себя после происшедшего: ей ещё не доводилось вести разговоры, будучи зажатой между стеной и телом малознакомого мужчины, а потому формулировать связный ответ было чертовски сложно.

— Смит? Она якобы отвлекала настоящего учителя... того, которого на самом деле нет. А экипаж — за северными складами. Было бы глупо тащить его в порт, учитывая, что Эдвард бежит инкогнито.

— А стоять на пирсе одной, словно в витрине, — не глупо?

— Ну, если смотреть на это с подобной точки зрения... Я как-то не подумала. Мне никогда не доводилось провожать кого-то в порту, я не знала, что это может быть опасно.

— Ваш братец, видимо, тоже не умеет думать. Потрясающая семейка. Беру назад комплименты вашей сообразительности, которые я поспешил сделать ночью в моём кабинете.

Почему-то Энн задела его слова.

— Я думаю, они достаточно далеко, и вы могли бы уже отпустить меня.

Отчего-то Ксандер медлил. Он, как казалось Энн, со злобой буравил её своим тяжёлым взглядом, явно не одобряя её сегодняшнего поведения.

— В отличие от брата, я умею признавать, когда бываю не права. Прошу прощения за неудобства, которые причинила вам сегодня. Было глупо с моей стороны оставаться одной в порту. И большое спасибо за то, что выручили меня из этой ситуации. Я в долгу перед вами и сделаю всё возможное, чтобы вы нашли себе достойную жену.

Энн хотела верить, что её покаянная речь успокоила Ксандера; по крайней мере, он перестал буравить её взглядом и сделал шаг назад. Затем он накинул на неё своё пальто, в котором она тут же утонула, и водрузил ей на голову цилиндр, тут же съехавший ей на глаза. В таком виде они добрались до её экипажа. Ксандер вначале усадил её на сиденье, передав заботам миссис Смит, и только затем забрал у Энн свои вещи.

— Очень надеюсь, что вы спокойно доберётесь до дома и наконец-то выспитесь. У вас вид крайне измождённого человека. Завтра я не стану вас беспокоить, но уже послезавтра я заеду за вами, чтобы пригласить прогуляться со мною в Гайд-парк. У нас не так уж много времени, чтобы приступить к исполнению намеченного плана, пока ваш брат не вернулся обратно в Англию.

С этими словами он захлопнул дверь экипажа и после чего постучал по ней тростью, давая сигнал кучеру трогаться. Энн была совершенно разбита. Мало того, что брат, которого, несмотря ни на что, она очень любила, отплыл за сотни миль от дома, за ней гнались пьяные матросы, так ещё и мужчина, который только что её спас и даже поцеловал, назвал её измождённой! Нет, этот день сложно было бы сделать хуже. Откинувшись на сиденье, она пообещала себе, что впредь не позволит мистеру Ксандеру видеть себя в подобном состоянии.

Фредерик Ксандер не любил попусту тратить время. Бурлившая в нём энергия требовала выхода, поэтому он не был склонен к праздному времяпрепровождению вроде бесцельных прогулок. После насыщенного на события вечера в порту следовало бы сесть в экипаж и немедленно отправиться домой, но он отчего-то решил вместо этого пройтись по пристани. Вот уже третью ночь он лишал себя сна, и организм мог подвести в любую минуту, затребовав своё. Хотя, судя по реакции его тела на леди Телбот в его руках, пока его здоровью ничего не угрожает.

Он повторял себе, что прибыл в порт, так как сегодня в плавание уходило сразу четыре его корабля, и нужно было лично убедиться, что освобождённые от товара склады готовы принять новую партию груза. Однако правда заключалась в том, что ему хотелось лично удостовериться, что малышке Энн удалось уговорить своего несносного брата отплыть в Италию. Закончив с делами, он специально следил за пирсом, с которого уходила «Санта-Мария», нашёл глазами леди Энн и наблюдал за ней с берега, пока она провожала взглядом корабль. Девушка на пирсе выглядела очень хрупкой и одинокой, и он невольно залюбовался ею. Не было ничего удивительного, что она привлекла не только его внимание.

Удивительным скорее оказалось то, как приятно было держать её в руках, изображая чёртова рыцаря. Вечная беда с этими леди: за неимением более интересных и полезных занятий они оттачивают умение флирта годами и порой даже сами не понимают, какое грозное оружие приобретают в свой арсенал. Чего только стоило её поведение вчера ночью перед зеркалом в его прихожей! Ни одной знакомой ему даме не пришло бы и в голову поправлять причёску в присутствии мужчины, который только что вызвал на дуэль её брата! Опасность таких женщин, как Энн Телбот, как раз и заключалась в том, что они, в отличие от искушённых куртизанок, очаровывали мужчин совершенно невинным и естественным образом, не отдавая себе отчёта, что все их изысканные манеры и деликатное обращение в конечном счёте имеют ту же самую цель, что и яркие корсеты и будуарные уловки. Просто с куртизанками гораздо проще договориться о сделке.

И всё-таки Фредерик Ксандер хотел жену, подобную Энн. Которая могла бы сопровождать его на вечерах в любом, даже самом изысканном обществе. Подсказывать, какой из четырёх вилок следует есть рыбу, и запоминать все эти бесконечные титулы и семейные связи его потенциальных инвесторов. Мир жесток, Фред знал это как никто другой. Пока ещё капитал сосредоточен в руках ленивой аристократии, и таким, как Ксандер, надо во что бы то ни стало приспособливаться, чтобы в конечном счёте переиграть этих трутней. Сделать так, чтобы их деньги приносили пользу прежде всего тем, кто готов работать, а не проводить остаток жизни за карточным столом. В чём-то Энн была права: у таких, как её брат, нет будущего. Их время уже на исходе. И Ксандер не будет терзаться муками совести, заколачивая гвоздь в крышку их гроба.

Глава 4. Избегайте сплетен и не давайте для них повода

Ксандер заехал за леди Энн ровно в десять утра. Это было немного раньше, чем считалось приличным, но Энн уже сделала заметку обратить на это правило этикета его внимание в будущем. Сегодня же ей хотелось как можно больше времени уделить их разговору наедине, а потому чем раньше они придут в парк, тем больше времени на приватность у них будет.

Тёте Софи Энн вскользь обронила, что очень рада, что Эд заинтересовался коммерцией и даже отправился в Италию на одном из кораблей Ксандра. Она так благодарна последнему за внимание, оказанное брату, что даже согласилась поспособствовать налаживанию отношений Ксандра с семьёй его избранницы. О том обстоятельстве, что саму избранницу ещё только предстоит найти, Энн деликатно умолчала.

Тётя Софи была так огорчена внезапным отъездом Эдварда, что за завтраком слушала Энн вполуха и не высказала никаких возражений.

Так что ровно в десять Энн была безупречно причёсана, одета в самое новое прогулочное платье, только что доставленное от модистки. Она обещала, что больше никогда не даст повода мистеру Ксандру назвать себя «измождённой». Она даже покусала губы и ущипнула себя за щёки, чтобы уж точно не показаться бледной. Покусывание губ, однако, довольно быстро напомнило ей ту непонятную имитацию страстного поцелуя в порту, от чего в голове Энн на несколько минут воцарился полнейший беспорядок.

Но вот раздался стук в дверь. Дворецкий пригласил Фредерика войти, и Энн, мысленно досчитав до десяти, чтобы не выдать того факта, что она уже с полчаса ждёт его появления, спустилась в переднюю.

Уже на дорожке в парке Фредерик спросил:

— Теперь уже можно перестать притворяться и открыто спросить у вас, каким будет наш план на сегодня?

— А мы притворялись? Мне казалось, мы довольно мило беседовали всё это время по пути в парк...

— Конечно, обсуждать погоду и перспективы дождя было невероятно увлекательно, но я надеялся, что у вас есть более чёткий план на сегодняшнюю прогулку. Я ошибся?

Миссис Смит шла на некотором отдалении, старательно делая вид, что она в упор не замечает хозяйку и её спутника.

— А вы всегда переходите к делу настолько прямолинейно? Возможно, вам следует проявить чуть больше деликатности, если и не из уважения к моим чувствам, то хотя бы в качестве упражнения для общения с вашей будущей женой?

— Давайте вначале определимся с кандидатурой, и будем отталкиваться от обстоятельств... У вас есть кто-то на примете?

Энн остановилась возле деревянного ящика под деревом и извлекла из него мольберт и набор туши.

— А я и не знал, что в этих ящиках хранят что-то кроме садового инвентаря.

— Предположу, вы нечасто бываете в парке.

— Верно, а ещё я посредственно танцую, никогда не учился в колледже и не умею играть на музыкальных инструментах. Вам перечислить весь внушительный перечень моих недостатков?

Энн невозмутимо готовила мольберт к работе.

— Это может быть полезно, хотя я бы предпочла, чтобы мы сконцентрировались на ваших достоинствах. Предположу, вы ездите верхом, верно?

— Да, какое это имеет значение?

— Леди, которой я хотела бы вас сегодня представить, любит в это время кататься верхом в парке по средам и пятницам. Я хорошо это знаю, так как очарована её лошастью и стараюсь быть в парке в это время, чтобы поработать над набросками. Сегодня пятница, а значит, наше появление здесь не будет выглядеть подозрительным. Она по обыкновению подъедет ко мне, чтобы я угостила её лошадь яблоком. Очаровательное создание, хочу я вам сказать.

— Кто? Леди или её лошадь?

— Я предпочитаю лошадь, но вам лучше сконцентрировать внимание на леди.

Ксандер улыбнулся: по непонятной причине ему нравилось подшучивать над леди Энн, и ещё больше нравилось, когда у неё получалось достойно ему ответить.

— И когда наша добыча появится в парке?

— Леди редко бывают пунктуальными, джентльмену надлежит быть готовым ждать.

— Но вы же были готовы вовремя сегодня.

Энн оторопела. Она специально выждала некоторое время, чтобы её появление внизу не выглядело так, словно она ждала его за дверью.

— С чего вы это взяли?

— Я немного разбираюсь в дамских туалетах. На вас перчатки с пуговицами до локтя. Ужасно непрактично. Предположу, что на то, чтобы их застегнуть, уходит уйма времени — гораздо больше, чем я ждал вашего появления внизу. А мне почему-то кажется, вы не из тех дам, что расхаживают по дому в перчатках.

Энн прокляла несчастные перчатки.

— Непрактичные, но ужасно модные в этом сезоне. А готова я была вовремя, потому что с уважением отношусь к вашему времени и не хотела, чтобы вы теряли его, дожидаясь меня.

— Боже, как это мило! Впервые передо мной оправдываются за пунктуальность!

Энн улыбнулась, капитулируя, и тут же заставила сдаться самого Ксандера.

— Действительно ужасно глупо. На самом деле в правилах этикета полно таких противоречий, и мне всегда забавно наблюдать, как люди стараются следовать всем правилам сразу. Опоздание более чем на полчаса признаётся неприличным, однако быть готовой вовремя тоже считается неизящным. Поэтому джентльмен приходит спустя четверть часа от назначенного времени и должен ждать как минимум ещё четверть часа, пока дама не будет готова... Что мешает им сразу договориться на полчаса позже, скажите мне?

— Вы шокируете меня сейчас! Мне вас рекомендовали как знатока этикета. А теперь выясняется, что вы сами относитесь к его правилам с пренебрежением. Ещё немного, и я усомнюсь в разумности нашей сделки. И всё-таки почему вы позволили себе такую оплошность — ждать меня сегодня утром? В заботу о моём времени я не поверил ни на минуту...

Отчего-то сам факт, что она ждала его появления, ему ужасно льстил. Энн на мгновение заколебалась, а потом вдруг сама удивилась, как просто оказалось сказать правду:

— В порту вы называли меня «измождённой». Ни при каких обстоятельствах не говорите даме, что она «выглядит усталой»: это почти то же самое, что сказать, что она выглядит плохо, а это уже оскорбление. Поэтому сегодня я постаралась, чтобы у вас не было и повода придрасться к моему внешнему виду.

Лицо Ксандера вытянулось от неподдельного удивления:

— Энн, тем вечером вы пережили нападение. Вы не спали двое суток и едва ли должны были волноваться по поводу своего внешнего вида. Хотя и выглядели вы весьма неплохо... просто очень устали и испугались.

Эти неловкие заверения гораздо больше понравились Энн, чем должны были. Она поспешила перевести тему.

— Вы говорите почти как миссис Смит в день нашего с ней знакомства. Она, кстати, разрешила мне рассказать вам эту историю. Если вам, конечно, ещё интересно?

— Да, конечно. Моё очарование миссис Смит всё ещё так же сильно. И поверьте, я говорю это от чистого сердца, а не потому, что не уверен, что смогу выстоять против неё в открытом поединке. Так как вы её повстречали?

С этими словами он лукаво подмигнул горничной, хотя она, должно быть, этого даже не заметила: та изо всех сил притворялась невидимой, чтобы дать леди и джентльмену спокойно побеседовать.

— Меня готовили к моему первому сезону в Лондоне. Мы тогда только-только переехали из имения в город. Благодаря тёте я уже отлично знала все правила и условности, но мне отчаянно не хватало уверенности в себе. Перед незнакомыми людьми я совершенно терялась и не могла вымолвить ни слова. Вдобавок у меня была невероятно ответственная горничная — совсем молодая девушка, которая, как и я, всегда и во всём старалась достигнуть идеала. Её буквально начинала бить нервная дрожь, если она замечала на моей юбке складку там, где её не должно было быть, и она чуть ли не падала в обморок, когда после бала моя причёска теряла первозданный вид. Однажды горничная напала на меня с увещеваниями прямо на кухне, где была в это время Мэри. Миссис Смит тогда только что овдовела и подрабатывала, продавая рыбу на нашей улице. Заметив, что горничная доводит меня до слёз, она просто встала между нами, вытерла мокрые от рыбы руки кухонным полотенцем и кинула его в лицо моей обидчице. Та ничего не смогла сказать и выбежала из кухни, а Мэри очень серьёзно побеседовала со мной о том, как можно и как нельзя позволять людям со мной обращаться. И что, какими бы благими ни были намерения моей горничной, я не должна плакать из-за помятого платья. В конце концов, она доходчиво объяснила мне, что я могу быть очаровательной с пятном на юбке и при этом быть совершенно безликой, излишне переживая, как бы это пятно не поставить. До того случая никто и никогда не заступался за меня, поэтому я ухватилась за Мэри двумя руками и с тех пор не могу её отпустить. Нам через многое пришлось пройти, прежде чем она выучила обязанности горничной, а я научилась... скажем так, чуть проще переносить своё несовершенство и даже обрела некоторое подобие уверенности в себе. Я безумно рада, что она у меня есть. Она не просто горничная — она мой самый близкий друг.

Фредерик слушал этот незамысловатый рассказ довольно внимательно.

— Вряд ли леди и её горничная могут быть подругами.

— Если нет, то две леди могут быть подругами ещё в меньшей степени...

Они могли бы продолжить этот разговор, который оказался невероятно занимательным для них обоих, если бы не стук копыт на парковой дорожке. К ним приближалась эффектная брюнетка на очаровательной гнедой кобыле.

Леди Элизабет была, наверное, самой молодой и самой потрясающе красивой вдовой во всём Лондоне. Она на редкость удачно для своего происхождения вышла замуж за лорда Тернера, в первую же беременность наградила его наследником и менее чем через год овдовела. Энн очень хорошо знала семью Тернеров, так как оба брата состояли в её благотворительном обществе с самого его основания. Это была очень уважаемая семья. Однако всем известно, что ко второму браку, как правило, предъявляют гораздо меньше требований, чем к первому, а потому Энн рассудила, что для активной и самостоятельной Элизабет, привыкшей жить в роскоши, брак с Ксандером может оказаться более интересной альтернативой, чем пожизненное проживание в семье брата её покойного мужа в статусе матери наследника. Нынешний лорд Тернер — Томас, конечно, ещё довольно молод, но рано или поздно он женится, и тогда в Тернер-Хаусе появится новая хозяйка.

Лошадь Элизабет с интересом потянула голову к Энн, предчувствуя угощение. Заметив наездницу, Ксандер даже не улыбнулся. Энн уже делала мысленную пометку попросить его чуть с большим энтузиазмом смотреть на женщин, которым она будет его представлять, но вдруг уже леди Элизабет удивила Энн своей бестактностью.

— Энн, а с каких это пор ты водишь знакомство с мистером Ксандером?

Энн, которая только что обратилась к Мэри за яблоком для лошади, замерла от удивления.

— Доброе утро, Элизабет. На прошлой неделе нас познакомил мой брат Эдвард. Замечу, что я тоже не знала, что вы с мистером Ксандером знакомы.

Ответил Ксандер, и что-то в его голосе заставило Энн поёжиться.

— Мы хорошо знакомы, леди Энн. Леди Элизабет находила моё общество весьма приятным до определённого момента.

Элизабет лёгким движением выбралась из седла и передала поводья груму, следовавшему за ней всё это время.

— А вы, Ксандер, как я погляжу, всё ещё дуетесь? Да ладно вам, столько времени прошло, уверена, нам стоит возобновить наше знакомство.

— Совсем в этом не уверен. Леди Энн, боюсь, вы были правы относительно времени. Через полчаса у меня назначена встреча в конторе. Буду рад отвезти вас домой, прежде чем отправиться туда.

Энн, которая даже не успела скормить лошади яблоко, приподняла бровь, но вслух выразила полную готовность ехать. С помощью Мэри она быстро убрала только что разложенный мольберт под аккомпанемент оглушительного молчания Элизабет и Фредерика. На прощание, потрепав лошадь Элизабет по холке, взяла Ксандера под руку и последовала за ним из парка.

Однако уже в экипаже она не могла удержаться от вопросов:

— Так вы знакомы с Элизабет Тернер? Правильно я поняла, что существует причина, по которой я должна вычеркнуть её имя из списка кандидаток на ваши руку и сердце?

— Чёрт подери, леди... Как только из всех женщин Лондона вы могли выбрать именно её?!

— А почему нет? Она леди по рождению и первому браку, её дела, насколько мне известно, в относительном порядке. Да, она вдова, но всего на год старше меня и вполне способна подарить вам столько детей, сколько пожелаете. К тому же мне она знакома как дама с весьма широкими взглядами, и мне показалось, что отсутствие у вас титула её не должно смутить.

— Широкие взгляды... Мне они хорошо известны. Энн, мне бы не хотелось обсуждать это с вами, но, поверьте, такие, как леди Элизабет, мне не подходят.

Энн не понравилось, что он пытался от неё что-то утаить. Её откровенно злила ситуация, особенно то обстоятельство, что она была единственной из них троих сегодня, кто оставался в неведении.

— Знаете что! Я не могу искать вам невесту, даже не понимая, от каких критериев мне надлежит отталкиваться. Вы — человек, который всегда выражается откровенно. Можете мне прямо ответить, почему мы не можем рассматривать леди Элизабет? И кого ещё мы рассматривать не должны?

Ксандер сомневался. Энн чувствовала, что он старательно подбирает слова перед тем, как ей ответить.

— Элизабет Тернер, Эмма Рейзевуд и Дороти Эдванс. Эти три леди не должны попасть в ваш список. Я уже... был знаком с ними.

Энн начинала понимать, о чём он говорит.

— ...Но Дороти Эдванс не вдова, она замужем!

— Клянусь, я не знал об этом. Она ни словом не обмолвилась о муже на том вечере, где нас представили друг другу. И должен заверить, что с тех пор, как я узнал о её замужестве, я более не встречался с ней.

— Встречались? То есть с этими тремя леди вы... встречались?

— Не знаю, что именно вы подразумеваете под этим, но да, чёрт возьми, мы были любовниками! С Тернер — год назад, с Рейзевуд и Эдванс — в этом году.

— Но сейчас ещё только начало мая!

— ...Собственно, после истории с Эдванс я понял, что мне необходим проводник в вашем мире, чтобы не попасть в историю наподобие тех, чем прославился ваш брат.

Энн не могла поверить. Все три леди обладали безупречной репутацией. Конечно, будучи уже самостоятельными женщинами, они могли позволить себе больше, чем сама Энн, но именно это ей в них и нравилось. Статус замужней дамы, тем более вдовы, давал возможность самой выбирать приглашения и появляться на некоторых мероприятиях без сопровождения. Однако Энн и не догадывалась, как ловко вышеуказанные леди этим пользовались. А что касается Эдварда, положила руку на сердце, вряд ли бы он мог рассчитывать на благосклонность одной из этих дам. Они для него были слишком умны, по мнению Энн. Её даже заинтриговало, что именно эти три леди находили в Ксандре настолько неотразимым, что... встречались с ним, подвергая себя риску скандала.

— Поймите, поймите... Давайте взглянем на это с другой стороны. Оставим Эдванс, но леди Эмма и Элизабет вполне могли бы составить вам достойную пару, тем более раз уж вы с ними уже... знакомы.

Лицо Ксандера побагровело.

— Энн, думаю, не мне вам рассказывать, что не всегда готовность женщины завести любовника означает её готовность выйти за этого любовника замуж. Перечисленные мной леди никогда не выражали желания стать миссис Ксандер.

Энн почувствовала, что никогда ещё мужское эго так сильно не страдало от её бестактного вопроса.

— Простите, я не подумала. Мне даже не пришло в голову, что они могли...

— Мне отказать? К счастью, я не был так глуп, чтобы сделать им предложение. А теперь простите, но я вынужден требовать сатисфакции. Вы слишком много узнали обо мне сегодня, и мне бы хотелось, чтобы вы ответили мне взаимностью. В качестве гарантии, что мои интимные секреты не будут раскрыты.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.